

Жаксылыков Аслан Жамелевич, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методологии перевода КазНУ им. аль-Фараби, член Союза писателей РК, член «Пен клуба», переводчик. Опубликовал более 200 научных трудов: монографий, учебников, учебных пособий, научно-популярных книг и статей. Автор более 20 художественных произведений, романов, рассказов и повестей, в том числе романа из пяти книг «Сны окаянных». На русский язык им переведены трилогия С. Елубая «Ақ боз үй», книга прозы Ш. Бейсеновой, рассказ М. Ауэзова «Коксерек», рассказы Д. Исабекова, роман А. Мекебаева «Тайник в степи» и другие произведения.

Аслан Жаксылыков

ВЯТЕЛЬ

Отрывок из романа «Возвращение»

Что-то случилось с временем, и оно перепархивало куропаткой по прихоти чьего-то сна, и не было никакой возможности узнать – чьего же именно? Время стало чьим-то смертельным дыханием, поэтому огромные армии неспешно разворачивались корпус за корпусом в предгорьях Лу Тау, готовясь к смертельной схватке, к многодневной рубке, в итоге которой должно полечь костями множество юношей кокборе, борисаров, кургуров и утургуров, зигитов¹, в чьих глазах светилось солнце молодости, а звезда любви еще даже не восходила, поэтому ты торопился, днем и ночью трудился над Сферой. Этот мир никогда нельзя было понять, его алые восходы и закаты приводили в отчаяние, а падение лепестков вишни с цветущих веток на траву забвения обрекало на бессонницу, поэтому ты спешил, рубил-гесал бока глыбы, шлифовал камень, проливая кровь и пот, обагрывая гранит сукровицей со вздутых ладоней. Время сворачивалось желтым лепестком шафрана, и с этим ничего нельзя было поделывать, в глазах стояли слезы, тление углубляло каждую морщину, иссекая твоё лицо с мастерством бесподобного ваятеля – самой смерти. И с этим ваятелем нельзя было сравниться, потому что невозможно пробудиться в упоении смертельного сна. Ты не помнил своего прошлого. Лишь отдельные воспоминания бредом проносились порой в сознании, и в этих невероятных видениях сотни лет обретался ты – то ли призраком, то ли младенцем, припавшим к сосцам волчицы, упивающимся горьким-прегорьким млеком полынной, тонко-тонко скулящей матери, – а рядом с тобой копошились еще два волчонка с ликами печальных старцев. А потом был баркас – ковчег перевернутый, плывущий через вечность, и вы были стаей несметной моли, копошащейся в ворохах то ли одежды старцев, то ли их смертного праха и тлена. А потом было некое *слово*: ковчег пристал к берегу очередного безумного сна, и вы восстали из тлена и побрели вниз по склонам Волчьих гор вслед за ревушим джунагром. Эти видения были слишком сложны, чтобы можно было в них поверить, но верит же множество, что «вначале было слово...», и живут же почти все люди без памяти о предыдущем.

¹Зигит – использован сингармонизм монгольского и тибетского языков.

Когда оказался в этом городе, ты уже был глубоким старцем, – скорее тенью, а не человеком. Ты был безымянным, без родства и жилища, тебя скорее можно было бы назвать аруахом, сброшенным со склонов Большого утеса и ожившим для священной мести. Быть может, поэтому тронутые лицезрением живых мощей, похожих на мумии отбывших в вечность великих вождей, кургуры, помнящие еще прошлое, приняли тебя в своем квартале и построили для тебя подобие жилища из дерева и тростника. И ты жил – не тужил, скорее, жила твоя тень, а ты покорно следовал ее прихотям. Беспечные кургуры хотя и проявили заботу о старце, все же были рассеяны – они не придали значения тому, что в центре твоей лачуги осталась не убранной гранитная глыба величиной с джунагра. Но ты был рад – нашлось дело для твоих рук, и вскоре в твоём доме закипела работа по высвобождению формы из каменного плена. Поскольку в твоём смутном сознании перемешались города и годы, а время свернулось тонким-тонким волчьим скулежом, ты решил, что всегда жил-пребывал на этом месте, а потом только устроился-вырос город вокруг стен твоего дома, размножились люди и, тронутые упорством твоего труда над малой сферой, принялись за создание исполина в центре столицы. Ты обтесывал, шлифовал гранит, и был вполне обременен вечностью, и нисколько не обращал внимания на то, что некая девушка с черными-пречерными, поистине кургурскими очами приносит раз в день кусок лепешки и чашку чая с мукой и кусочком жира. Так было заведено даже у степной волчицы, что и говорить о людях? Все же, тронутый заботой кургуров, ты порой дарил им свои поделки – глиняные фигурки воинов, причудливые куколки, вырезанные из корневищ. Этот мир был полным безумием, а как же иначе? Стали бы тысячи людей собираться в тумены, вооруженные до зубов, и идти убивать друг друга ради сомнительной славы того или иного избранника духов? А ведь судьбой было предназначено кочевать свободно по степи и наслаждаться вольным воздухом, мясом и молоком диких и прирученных тарпанов, жить в шатрах и любоваться танцем чернооких дев? Убивать даже не ради вещей, имеющих суть, а ради слов, коими описывают славу, величие, власть и положение. Воистину люди, идущие убивать себе подобных, ради слов, во имя права гордо произносить некие слова: *трон, кахан, власть, подданные, светлое будущее*, – умалишенные или того хуже. Еще хуже те, кто принудил этих прекрасных телом юношей взять оружие, строиться в воинские колонны и идти против врага, то есть себе подобных. Тебе нравились кургуры и утургуры – широкоплечие, тонкие в талии, длинноногие мужи, дочерна смуглые, почти чернокожие. Их раскосые, миндалевидные глаза полны света, в них искрится доверчивость. Преступлением было превращать их в рабов, загоняя кнутами в котлованы рудников и каменоломен. Гноить их в сырых бараках, за считанные годы доводя их до состояния ходячих скелетов. Чтобы хотя бы на иллюзорное время вернуть им их славное прошлое, ты создавал фигуры кургурских воинов в полном снаряжении на боевых конях. Эти глиняные воины держали в руках то лук, то копье, то чекан, то арбалет, то кривой меч, и всегда они изображались в атакующей позе. С годами твое искусство изощрялось, и статуэтки становились все более выразительными и рельефными. Поскольку гибкая, тонкая в талии кургурская девушка приносила тебе еду, иногда ты лепил фигурки и девушек, но всегда – танцующих. Эти фигурки ты обжигал на огне в печи и потом тщательно раскрашивал. Статуэтки эти запоминались: в полуобороте, со вскинутыми руками, горделиво запрокинутой головой, с приподнятой ногой, обрамленной тканью, – движение танцовщиц словно было поймано в моменте вдохновенного порыва. Ты дарил эти фигурки туземкам и нисколько не удивлялся тому, что в городе с каждым годом становилось все больше танцовщиц. Со временем ты стал очень уважаем у кургуров и утургуров, и жизнь твоя наладилась, в ней появился оттенок смысла, хотя

в глубине души все равно ты считал сей мир полным безумием, или сновидением *того, кто заблудился в мирах*.

Однажды ты заметил Апке. Тебя поразила внешность этой горделивой дамы, словно явившейся на грешную землю с другой планеты. Все же ты прокрался в парк малого дворца и долго наблюдал за Апке, пытаясь проникнуть в душу этой повелительницы. Именно в эти минуты открылась тебе пронзительная красота увядания времени в падающем лепестке вишни. Укрывшись в кустарнике, ты внимательно наблюдал за Апке и однажды увидел, как кувыркается белый, траурный лепесток в глазах женщины и исчезает в сумерках души. И как-то раз, тронутый этой картиной, ты сказал самому себе: «Воистину осыпание лепестков в душе *видящего* – это смерть времени и рождение вечности». И устыдился этих слов, ибо то было очередным проявлением безумия этого мира. А разве не так – бредовый, древний старик, не помнящий ни родства, ни прошлого, таится в кустах, как ночной вор, и созерцает нечто в глазах молодой женщины. Но ведь стыд – это голос живой жизни. И это говорит об истинности происходящего.

Ты открывал для себя душу Апке – следуя за ней как тень, ты проникал в самые отдаленные уголки всех четырех парков, наблюдая за ней, ты читал ее мысли. Воистину она была вдохновительницей и творцом этого мира, следовательно, разлитое по нему безумие было бредом, годами кипящим на ее устах. Разве это не так? Этот каменный город, особенно четыре великолепных дворца и парки вокруг них, и, конечно, большой Банзай своей грандиозной композицией являли некое начертание, задуманное и осуществленное ею, очевидно, символическое. И тебе нужно было понять, что происходит в душе *повелительницы теней*. И однажды ты создал ее облик: в эти дни в твоей душе пела тибетская флейта, шли светлые муссонные дожди, порхали бабочки-махаоны, расцветали и опадали вишни. Ты работал в темном иступлении, мял белую глину, добытую на дне тайной ямы, закрыв глаза, отглаживал линии, освобождал от лишнего материала совершенное тело, прочерчивал щепкой складки тончайшего платья и трепетом пальцев намечал воздушное колыхание ткани. Мучительной и все же вдохновенной была работа над лицом статуэтки. Надо было поймать и передать на глине то самое выражение на лице Апке, которое светилось в ее глазах, когда она любовалась цветущими вишнями. И когда трехдневная работа была завершена, ты взял фигурку, подставил ее лучу солнца, падающему в проем окна, и затаил дыхание. Да, это было именно то что нужно. Осталось только обжечь фигуру и раскрасить ее. Искусство обжига фарфора – это секрет мастера, который не доверит он ни бумаге, ни слуху постороннего человека. Для обжига фарфоровой статуэтки тебе пришлось построить специальную печь и сделать особые воздушные меха для нее. Для изготовления красок пришлось искать по всему городу лепестки шафрана, череды, гвоздики, хризантемы. И эти цветы нашлись на клумбах в парке малого дворца. А когда обожженная и раскрашенная статуэтка Апке была готова, ты поставил ее под склонами Сферы. И ты смотрел и смотрел, созерцал часами, пока не понял, что происходит. Ты услышал таинственный шепот, ниспадающий лепестком вишни, который кружил и таял в очах зачарованной женщины. И с тех пор ты всегда слышал шепот камня, и все пространней становилось твое понимание. А однажды сама Апке появилась под склонами большого храма и совершила первое обхождение по кругу. А кургуры и утургуры спустились с лесов и танцевали под склонами исполина.

Быть может, во всем городе, или даже во всей стране, ты был единственным человеком, который понимал то, чего еще не понимала даже сама Апке, – что ждало ее в будущем. И ты с еще большим рвением принялся доводить форму задуманного. Эта Сфера должна стать точкой в конце повествования, и фигурально, и буквально. Но возможно ли это?

По вечерам прилетала серая неясность, садилась на жердь, торчащую из кровли, и находила тебя мрачным, насупленным взглядом. И когда ночная сова садилась на кровлю твоего жилища и открывала глазища, кишашие звездами не этого мира, твоя душа устремлялась в бег устрешенный, коянский. В поисках то ли пещерки на склонах старого оврага, то ли дупла на боку древнего джубаба, охающего и ахающего от ужасов саванны гиенодонов, летела она опрометью, однако не могла убежать от теней этого мира. Не было ничего страшней этого черного, кипящего тьмой взгляда, бездонного, словно пещера, будто Тмутаракань окаянная. Словно туннель гулкий, долгий, червоточина между мирами, осыпающая тело и душу атомами небытия, этот взгляд гнал тебя по лабиринтам затхлого и тленного сознания, вытербленного то ли демонами, то ли муравьями и термитами на краю волчьего поля. Ты лежал на циновке, тростниковая кровля дома простиралась над тобой косматым навесом, моталась туда и сюда под ветром, словно вихры и косы бегущих кукурузных мальчиков и девочек. Горький полынный ветер, заплутавший в поисках матери-волчицы, дул в отверстия срезы тростников и камыша, и темная, пещерная мелодия надтреснутых голосов вилась над тобой, стенала, истончалась, звенела малиновой нитью, затем вдруг вновь наливалась силой горловой пения горного ущелья. И полностью затопленный звуками этой ужасной мелодии тростникового поля, срезанного кургурами и утургурами и уложенного в слои глины на кровле твоего дома, ты не знал, то ли проклинать тебе безызвестных работников, то ли возносить молитвы за сию казнь. Словно выжженные пустынной скорбью глаза неясности обременяют душу неизмеримой вечностью, но лучше это, чем тоска непроходимых черных зарослей, так и не ставших свирелями и флейтами. Жуткая песня каждый вечер клокочет и ревет в объятиях ветра над твоей головой, оживляя тени прошлого, но лучше это, чем упорное нечеловеческое молчание черных тростников волчьего поля, чье зачатое стояние на одной ноге до скончания века как укор любой живой душе. Странные люди: неуловимое слово, уносимое каждое мгновение дыханием брэнного воздуха, ценят они выше, чем трепет крыльев бабочки-однодневки, живущей в божьих лучах меньше, чем цветы. И ради этих слов они посылают на заклятие несметное множество юношей, прекрасных телом, чья кожа – словно темная медь, самая лучшая, чьи глаза – словно спелые сливы из сада Апке, орошенные росой свежей. И ты скорбел, предвидя неизбежное, ибо возлюбил всем сердцем народ кургурский и утургурский, простой, немудрящий, ценящий превыше всего молоко кобылиц и кости аруахов, вознесенных высоко в горные расщелины. Ты давно понял их: они были, как дети, и не ведали, что на ходятся в начале бесконечного пути. Дни и ночи ты молил небо о спасении чад природы, избавлении от козней и хитростей демонов, явившихся *с того берега* страшного мира нелюдей. И куда только ни заносил твои сны черный ветер отверстых тростников, поющих и плачущих всю ночь, выворачивающих душу горечью. И однажды тебе приснилось странное, будто бы был некогда, в другой жизни, на другой планете, кургузым стариком – кочевником по имени Онгарбай. Были у тебя круглолицая и мягко-жалостливая жена, сыновья и дочери, рядом с твоим жилищем, круглым и серым, словно яйцо журавля; паслись овечки, а там, дальше, за пеленой выжженных годов, паслись призрачные табуны небесных коней, принадлежавших когда-то твоему отцу, деду, но обращенных колдовством чужих в страшное слово – *кантеске*. Тем же самым колдовским словом разом были обращены в пустыни и руины, излюбленные совами и филинами, многолюдные долины и урочища, населенные кочевниками золотого века. Сами же люди превращены в странников-призраков, чьим уделом стал поиск земли обетованной, Жидели-Байсын, священной палестины, где жаворонки вьют гнезда на спинах курчавых овечек, где изобилие трав, воды, млека и меда, где люди не лгут, а кукушкины

слезки – всего лишь цветы. И в этом магическом сне ты томился, проливал слезы, простирали руки к незабвенным призракам, родичам твоим, проклинал те самые жуткие слова – *канпеске*², *колхоз*, *светлое будущее* – и другие слова из молитв и заклинаний большевиков, которыми за короткое время смогли они обратить в кладбища многолюдные ранее долины. На мгновение прихоть ветра вырывала тебя из этого бреда, и ты радовался, как ребенок, тому, что это всего лишь сон, но новый порыв пещерной ревушей силы – и ты опять скитался по лабиринтам прошлого в поисках потерянной памяти. А серая неясность сидела со скрещенными ножками с ладонями в мудре бездонного молчания, и ее глаза были пучиной, где кишмя кишели жизни и смерти, однако все же это было лучше, чем черное стояние неслетного множества тростникового волчьего поля. Ты так думал, и твои сны повиновались неумолимому взгляду совы. В дебрях бесконечной ночи заплутала твоя душа, изнемогающая от снов, и под утро тебе приснился то ли сон призрака, то ли сон тебя самого, но другого, из иного мира.

И говорил, шептал прямо в душу сон тот странные слова, трогающие сердце. «Куда только ни заводят человека пути и дороги жизни, может он обретаться на старости лет даже на другом континенте. Но однажды душа начинает слышать зов другого мира и видеть *проводника*, и тогда решает она в последний раз взглянуть на отчий дом, увидеть своды жилища, где в младенчестве была услышана колыбельная матери. И тогда направляет человек стопы свои на родину, чтобы поклониться праху отца и матери, родичей». И как только ты услышал этот шепот, дрогнула болевая струна под сердцем, и ты обратил взгляд на восток, в ту сторону, где был твой Отукен, где земля все еще горчила от крови твоей пуповины. То ли примчал тебя ревуший джунагр, то ли прибред ты на своих двоих через изнемогающую вечность, то ли привезла безвестная повозка – нельзя было это определить, – но в итоге оказался ты на окраине своего аула.

Серый смутный вечер, уставший от историй этого мира, простирался над тенями аула, наверное, собирался совершить молитвенное коленопреклонение. Высокие травы, не тронутые ни косой, ни взглядом, ни даже дыханием животных, стояли темной запредельной стеной. В заштрихованном сумеречными тенями мире таилось странное ощущение – то ли смущение, то ли растерянность, то ли удивление. Еще бы, в кои веки блудный сын вернулся к порогу отчего дома, и хотя все ждали много лет, истомились изрядно ожиданием *откровения*, все же некому было встретить его. И ты понимал это, ни на что не претендовал, не собирался обижаться, ибо понимал, что не те времена. Ведь в былые годы уже на окраине тебя встретила бы толпа обрадованных родичей, первыми бы примчались дети, и с криками: «Зюйнчи! Зюйнчи!»³ умчались бы обратно. Ты бы шел неспешно, зная, что с каждым шагом все ощутимей обретает силу древний ритуал гостеприимства, пусть ты и даже блудный сын. Спешили бы старики со всего аула, чтобы обнять тебя, поцеловать твою ладонь, ибо свято целовать персти Странника, гостя – посланника Бога, но не венценосного кахана. Твои родители, взволнованные и счастливые, устраивались бы на торе, зная, что весь день им будут наносить визиты, чтобы поздравить с обретением сына, чтобы сказать ритуальное «козайым болдыныз ба?». А младшие родичи тем временем выбирали бы овечку упитаннее, чтобы приготовить славное угощение. Овечка не противилась бы судьбе, ибо дюже почетно то, быть принесенной в жертву во имя блага блудного сына, ибо означает сие вознесение души в рай кротких и невинных. И вот ты дома – спешат к тебе отец и мать... Может ли быть что-нибудь блаженней поцелуев матери и объятий

² Конфискация. Транслитерации в языке казахов начала 20 века.

³ Сюйнши – зюйнчи – использован сингармонизм монгольского и тибетского языков.

отца, обретающих под кровом своим долгожданного блудного сына? И существуют ли более покойные сны для странника, чем первый сон под кровом отчего дома после возвращения из странствия? Так было некогда...

Но на этот раз под шепот серой неясности ты возвращался в аул родичей после коннеске.

Высокие, траурно черные травы говорили молчанием, думая свою темную за-предельную думу. И было отчего. Таили они у корней выбеленные дождями и снегом кости, которых было множество. Не захоронены были те останки, хотя было поручено это дело за отсутствием могильщиков-людей волкам и волкопсам, лисам и шакалам. Те поначалу принялись было охотно, но потом устали, изнемогли, ибо было костей несметное множество, вся бескрайняя степь была усеяна ими. Поэтому поневоле травам, праху и тлену растительному пришлось укрывать первым пологом те бранные останки, шепча беспрестанно молитву забвения. Ты понимал и это и никогда не явился бы в аул покойников, но ты уже слышал зов. Вот в чем было дело. Надо было превозмочь все это и увидеть.

Вот ты и на окраине. Первый дом справа от въезда в аул был некогда жилищем тате – старшей сестры твоего отца. Бывало, по приезде ты всегда сначала заходил в этот дом, чтобы приветствовать тате, угоститься вкусным айраном и удостоиться поцелуя в лоб. Дом, вернее его остатки, стоял на месте, почти до половины стен укрытый мрачными зарослями. Столь же нелюдимо, хотя несколько отрешенно темнели проемы на месте окон. Камышитовая кровля дома была цела, хотя заросла сверху высоченным бурьяном. Срезы камыша сухо вибрировали и источали то ли шепот, то ли призрачный стон. И под этот шепот и стенание ты прошел через двор – густой травостой, оплетенный вьюнком, паутиной и тьмой. Ты шел медленно, там за пеленой лет твоя тень встречалась с воспоминаниями. Вот и порог этого дома – выбеленный пометом птиц. Дуновение ветерка срывает с оголенных саманных стен клубы пыли и уносит в открытый приют теней. Нахохленное вечернее жилище окутано сумерками и нечеловеческим одиночеством. Но ты готов и к этому. Ты все-таки вошел. Вернее, дом как бы двинулся к тебе, обнял тебя, окружил силуэтами, прикоснулся ко лбу прохладой пустоты. Тебе дано было понять, что это поцелуй. Ты замер. А когда пришел в себя, то увидел, что находишься посреди комнаты, темные саманные стены щетинились пучками соломы. На полу, заросшем муравой и пустырником, белые пятна птичьего помета, горстки мелких костей то ли птиц, то ли грызунов. Кто-то шевельнулся за спиной, ты оглянулся и увидел на торе большую серую сову. Она глянула на тебя выжженно-желтыми глазами и сказала тебе словно бы бесплотными словами:

– Проходи, сын мой. С возвращением. Присаживайся.

Ты нисколько не удивился словам совы, оглянулся и увидел рядом чурбан. Сел на него и глубоко вздохнул.

Сова помолчала и, словно беззвучно, снова сказала:

– Сколько лет, сколько зим! Ты все-таки вернулся. Однако негоже не встречать гостя, не привечать его, пусть он и блудный сын. Это не в обычае этого аула. Оставайся в этом доме. Скоро приготовят угощение, старики уже идут сюда, чтобы поздороваться с тобой.

«Странно, – подумал ты. – Кто готовит угощение, и кто идет отдать мне салем?»

Поскольку сова молчала, думая о чем-то своем, ты встал, выглянул во двор и увидел толпу молодых ворон, которые валили на землю упитанную крысу. Они даже завязали животному ноги, кто-то сложил ритуально крылья и бормотал молитву. Все делалось, как полагается. Вороны были оживлены и действовали сноровисто, не хуже зигитов твоего давнего, канувшего аула. Ты одобрительно кивнул

головой, вернулся в комнату, подошел к окну и увидел толпу старых, дебелих ворон и галок. С подвязанными кушаками, опираясь на костыли, шли они неспешно, как и полагается аксакалам, и о чем-то переговаривались. И это тоже было правильно, все, как некогда, в ауле твоего отца. Сейчас они войдут во двор, потом в дом, начнут целовать тебя кто в лоб, кто в ладонь, потом пойдут расспросы.

А кто же готовит дастархан, а также постель усталому путнику? И ты увидел в спальне хохлатую птичку-невеличку, она взбивала на полу ворох пуха, тщательно приготавливая ложе. Ты кивнул ей, птичка-невеличка по обыкновению невесток этого аула почтительно присела и поклонилась тебе. И тебе это очень понравилось. Ты обернулся. В гостиной же хлопотала, деловито накрывая дастархан, голубая сойка. Расстелила обрывок старой бумаги, разложила на нем осколки битой посуды. Действовала она очень споро и умело. Пройдут какие-то полчаса, и в комнату внесут на блюде вкусный, источающий пар куырдак. Начнется беседа о том о сем, разговор затянется до полуночи, потом келин проводит тебя в комнату, где для тебя уже постелено.

– Мы ведь тоже люди, не кто-нибудь. Не хотим, чтобы о нас пошел слух, что мы не гостеприимны, не умеем привечать людей в своих домах, – сказала сова, заметив, что ты оцениваешь действия хозяев. – Отдыхай, ты у себя дома. Ну, рассказывай, как там дела в большом мире. И что там затевают на этот раз. Мы слышали, что грядет новое канпеске, что будут загонять в каллектып нас, сов и филинов, ворон и галок. И мы дюже встревожены этим. Не ровен час, примчатся уполномоченные. А доносчики всегда найдутся. Скажут сороки, что совы и филины владеют несметными стадами крыс и мышей. Начнется раскулачивание. Куда нам деваться? Ну, сынок. Что слышно об этом? Мы же аульчане – народ темный, невежественный. Что нам делать? – Вороны и галки – аксакалы, кряхтя и тяжело вздыхая, уже входили в комнату.

Сова поднялась, чтобы приветствовать их. Птичка-невеличка и голубая сойка, наклонив головы, почтительно присели, отдавая салем старикам. Ритуал обретения начинался. Ночной ветер ожил, он взмахнул беспредельными крылами, и мрачное, окутанное сизой дымкой тростниковое поле ожило, закачалась кровля ветхого жилища, срезы камыша запели, зазвенели, истекая дребезжащими голосами.

И ты проснулся. Оказывается, это был сон, навеянный шепотом Банзая. И опять не спал ты до утра.

Апке

Обходить исполинскую Сферу стало ежедневным ритуалом для Апке. Все эти двадцать лет каждый день, ближе к вечеру, Апке, сопровождаемая евнухами, шла осматривать колосса. И всегда обходила его по кругу, по часовой стрелке. Евнухи привыкли к этому правилу, они неизменно появлялись за спиной, когда она выходила из парка золотого дворца. Двадцать евнухов, вооруженных кривыми мечами, короткими копьями, должны были сопровождать Апке, когда она выходила в город. Таков был приказ коменданта. Свирепые стражники с кнутами шли в отдалении впереди, сгоняя с пути нищих попрошаек, юродивых, увечных. А таких с каждым годом становилось все больше, и они почему-то собирались на площади у помоста под необозримыми боками Сферы. Что их тянуло к помосту Старика огня? Понять бы, что двигает душами нищих и увечных, какая тайная сила собирает их вместе и заставляет их танцевать у помоста безумца? Особенно много их становится, когда на площади появляется Апке. Они следуют за ее процессией, словно толпа призраков, глухой ропот колыхнется над этой гурьбой, невнятный гул, сливающийся с многоголосой песней мастеров на лесах, неустанно работающих долотами и шли-

фовальными пилами. Этот гул голосов, нескончаемый перестук долот, визг и скрежет пил – жизнь, кипящая на боках гранитного титана. Сам колосс, окруженный лесами, затянутый в паутину арканов, кажется невиданным чудовищем, готовым вот-вот ожить, прийти в движение. С какой стороны ни взглянешь на него – всегда выглядит громадиной, закрывающей от взора полнеба. Нет, совершенно круглый Банзай, исполинская Сфера, – это не пирамиды древних, и не башни имперского города. Пирамида своими сужающимися линиями словно обтачивает взгляд человека, это форма, которая исподволь входит в душу, как приказ, как веление всегда быть послушным, покорным, готовым принять волю неба, откуда из одной точки изливается титаническая масса. Километровые башни имперского города, обвешанные радарными панелями, с торчащими жерлами пушек, всегда восхищали Апке и вызвали неосознанный страх. Эти неизмеримо высокие, рвущиеся вверх небоскребы говорили о нечеловеческой воле, невиданной гордыне, о знаниях, вышедших за любые пределы. Раса, построившая километровые небоскребы, тем самым символизировала свою готовность оторваться от земли-матушки и навсегда покинуть ее. В конце концов так и вышло, люди, построившие небоскребы, стали *чужими*, они разрушили природу, уничтожили среду обитания, отравили сознание множества людей, извратили природу человека, пытаясь создать киборга. Самые упорные из них строили летающие корабли и раз за разом покидали планету, надеясь найти среди звезд рай обетованный. Слепцы, как можно обрести рай, если в душе тьма и безумие?

Впервые в истории человечества в городе Апке сотворен символ совершенства, истинного покоя – большая Сфера. И это такой исполин, какого никто никогда не создавал. Он такой огромный, что его видно с далеких гребней кратера. Такой памятник никто и никогда не забудет. Воистину Банзай – символ вечности и нерушимого покоя. Покоя полного знания и духовного равновесия, но не смерти. С титаном этот город проживет тысячелетия. Она предчувствует это. Исполинский шар как символ твердого покоя и нерушимого порядка войдет в душу каждого человека. Возможно, Апке была послана в мир для сотворения шара. Не случайно же в каждой книге Малыша утенка упорно говорится о камне Ин-ян, то есть Сфере. И все время упоминается тайный код из четырех букв. Банзай и секретное слово следуют рядом через все истории мугалима и Малыша утенка. Мнится Апке, что она близка к разгадке тайны. Осталось только завершить Сферу... Зардар тоже что-то чувствует. А ведь он всегда помогал Апке, был рядом, потому что выполнял задание императора выяснить тайну кода. Апке не сразу поняла, что капитан – агент секретных служб империи. А когда поняла, стала помогать ему, объединив для этого силы малого отряда, то есть своих друзей. Это она наказала Боре, Кабанбаю, Тайбале, Уку филину, Кояну, Малышу утенку следить за каждым человеком в колонне, ловить любые слухи, проникать в намерения людей и всячески оберегать предводителя. Первым попытался совершить покушение дюжий стражник. Он был оскорблен, что вождем выбрали не его, а какого-то сопляка, пусть даже в звании капитана. Когда он кинул кинжал в спину предводителя, внезапно возник Боря и подставил щит, закрывая собой обреченного. Второму покушению помешал Кабанбай, третьему Тайбала. Уку филин стал ловким агентом, слухачом предводителя, недремлющим оком, проникающим даже в тени. Апке решила помогать капитану, потому что поняла, что силы империи на его стороне, а значит, с ним отряд выживет. А ее выбор стал выбором и друзей. Конечно, какое-то значение имело и то, что плащ Странника оказался в руках капитана.

Когда они переправились через реку и высадились на берегу, их немедленно окружили воины кокборе. Минута была критической, ведь и до них на землях серых волков появлялись люди и мутанты с того берега реки, всех их уничтожали

как отроде дьявола. И тогда капитан накинул на плечи плащ Странника и шагнул вперед. Он произнес приветствие и сказал вождю кокборе заветные слова: «Мы люди Большого орла». И это произвело неотразимое впечатление на вождя и воинов. С этой минуты пришедшие люди, мутанты и племя кокборе всегда были вместе. То, что события стали развиваться по воле пришельцев, а не туземцев, — это, скорее всего, воля либо Бога, либо Странника, ставшего духом. Быть может, это их шепот слышит Апке, принимая за собственные мысли.

Шепот Странника слышит Апке, и даже когда на дворе глухая, запредельная ночь, она всегда встает и выходит бродить по городу. Тени евнухов тотчас окружают ее, словно силуэты черных тростников, что колышутся и поют надтреснутыми голосами на краю озера. Шепот Странника клубится в душе Апке и заражает ее безумными видениями. Апке — исполнительница воли Странника, даже когда нет его на этом свете, она готова следовать его духу, ибо не видит иного смысла в этой жизни. Когда-то в давние времена явился он, возник над полем битвы, как мистический крылан, глашатай бога войны, и повел их через просторы, был с ними много лет, а потом внезапно исчез у входа в подземелье. Это видели многие. Разве Странник не дух-спаситель, а также их пастырь? Разве не должна Апке после исчезновения Странника исполнять его заветы, безупречно внимая немо сочащемуся шепоту? Разве не жрица сама Апке, и разве не шепот Снежного воина повелел ей явить из камня большую Сферу? Когда вокруг тебя одни только мертвые камни, безумие становится сущностью и смыслом жизни. А Апке чаще видит вокруг себя мертвые камни, нежели живые души. Осталось немного — и все увидят, что исполин живой, что он живет всех живых. И слово явится само собой, не нужно будет допытываться его. Зардар узнает искомое, его миссия будет оправдана перед империей. Если бы правитель был зряч, он давно бы узрел заветное слово в очертаниях четырех великих дворцов, построенных по прихоти Апке и по его велению. Но он не видит, так же незрячи агенты империи, которыми кишит город. Воистину слово начертано и явлено перед всем миром, но его не видят.

Апке редко спит, но чаще сидит в своей келье с прямой спиной и скрещенными ногами, с ладонями в мудре немислимого покоя. Эта поза упокоения излюблена ею, и кажется ей, что века пролетают над ней, когда она так сидит, исчезая в шепоте пустоты. Шепот пустоты творит немислимое с нею, заколдовывает ее, останавливает мысль, биение яремной жилы, вихрь образов в мозгу, а затем неумолимо начинает осыпать тело, естество и самую душу атомами небытия. Сколько длится безвремяе, кто знает, но когда звучит только шепот пустоты, а душа пронзена черной молнией *ничто*, никто не может сказать, есть время или его нет. Чудится ей, что тени пролетают сквозь нее, тени существования и несуществования, тени ее жизни, которые словно приснились ей. Осыпание естества-сущности в атомы небытия так чудно, воистину оно есть блаженство. И когда загорается огонь тьмы в сидении в мудре немислимого молчания, Апке мнится, что она истинно другая, существующая всюду и везде. Что есть сон? Упокоение, обращающееся в блаженство, или медленно текущее бытие, становящееся страданием? Научилась Апке когда-то у Странника сидеть часами со скрещенными ногами, а потом непонятное упорство много лет заставляло каждый день устраиваться на седалище. Так прошло больше двадцати лет, теперь она благодарна наставнику. Но что делать с шепотом Странника, а также с бредом призраков, душ умерших и погибших строителей большой Сферы? Это всегда с ней, стая призраков витает над Апке днем и ночью, не давая покоя душе Той, которая все знает.

Изумрудный дворец, вернее его парк, где высится двухэтажный срубный дом, избран Апке для обитания. Этот дом — точная копия строения, описанного в одной из книг Мальша утенка, в главе «Наш дом». Он повторен строителями до мельчай-

ших подробностей. Порой Апке кажется, что она танцовщица Майя, описанная в книге. Сны Майи снятся и Апке, и тогда по утрам она выходит на восточный балкон, чтобы встретить восход солнца, а вечером устраивается на сиденье на западном балконе, и когда солнце уходит за гребни кратера, ее душа умиротворяется покоем. Быть может, она мечтала встретиться с невероятным ушастиком – духом дома, чтобы обнять его и заглянуть в его глаза-бездны, кишащие звездами иного мира? Апке никогда не призналась бы себе в этом. Как жаль, что ее дом не окружают дивные поля, описанные в книге! Протяжное желтое пшеничное поле полыхающее на ветру и плывущее по склонам, бескрайним ситцевым платком пестреющее на холмах гречишное поле! Или поющее миллионами солнечных голосов и провожающее светило влюбленными глазами поле подсолнухов, зеленое воинство кукурузных мальчиков и девочек, нескончаемые ряды вихрастых, высоких подростков, шагающих на последнюю вселенскую битву! Как жаль, что эти доли не окружают дом Апке! Иначе она каждое утро и каждый вечер убегала бы далеко-далеко, чтобы бродить и бредить, шататься, теряться взглядом в кружении дивных ворохов-снопов, как это умела делать Майя. Воистину Майя что-то ведала в существовании, поэтому будучи не в силах не поддаться очарованию ее магического танца и пения Ушастик явился к ней.

Но Апке все же бредила по-своему, читая другие книги Малыша утенка. Поэтому по приказу государя были разбиты эти огромные парки. В этом парке были высажены в основном косточковые джугарные деревья, урюк, персик, абрикос, черешня, вишня, алыча. Весной они начинали цвести один за другим, когда облетал цвет урюка, начинали распускаться бутоны вишни и черешни, вслед за ними покрывались бело-розовой кипенью персик и алыча. Цветение парков – любимое время года для Апке, в такие дни она с утра до поздней ночи бродит по садам, бывает, остается на ночь в шалаше. Шалаша устроены для нее во всех четырех парках. Комендант выполнял все ее просьбы, средства для этого появились, как только в кратере на северных склонах в глубоких расщелинах были найдены черные кристаллы. В отряде был один геолог, изучив найденный камень, разглядывая его в лупу, он удивленно сказал, что это гранат, причем очень редкий, видимо, с вкраплениями иридия и марганца. Конечно, о находке вскоре прознали в имперских башнях, камень был доставлен в лабораторию за реку. Правитель получил приказ приступить к строительству города, одновременно начать добычу кристаллов. Только через несколько лет, когда начал действовать рудник, а первые кварталы города уже были подняты, Апке узнала, что черные камни нужны империи, как зарядные кристаллы для лазеров. За гранаты империя платила щедро, все заказы Апке выполнялись в точности. В одном только им было отказано – в поставке огнестрельного оружия. Империя посылала нужных специалистов, ученые выполнили все необходимые расчеты, вовремя прибывали инженеры и мастера, другие умельцы – так в центре кратера возник этот средневековый город, настоящий бастион, твердыня, призванная охранять секреты кратера. А их, оказывается, было немало. Со временем геологи открыли, что на глубине пятисот метров под городом находится тело астероида. Это была колоссальная глыба цельного металла, которая упала на Землю много миллионов лет назад. Самородный металл, обнаруженный во многих местах кратера, видимо, был выбросами астероида, чье раскаленное тело при ударе ушло в землю на полкилометра. Геологи объяснили Апке, что и черные кристаллы, скорее всего, образовались в кипящей магме при чудовищной температуре и давлении в сотни тысяч атмосфер при падении металлического астероида. Как бы то ни было, черные кристаллы, железо, медь, никель и олово, найденные в кратере, оказались для колонистов манной небесной. Нужно было только организовать добычу ископаемых и их перевозку на территорию им-

перии. Империя получила то, что ей было нужно, а взамен помогла построить этот каменный город, крепостные стены, дворцы, парки, сделать расчеты для превращения гранитного утеса в исполинский шар.

Все же этот город – творение Апке, а дворцы и парки – земное воплощение ее мечты. С их появлением Апке живет как бы в наваждении красоты. Она редко встречается с друзьями, в свободные часы бродит по садам, или обходит по кругу Сферу, или в сопровождении евнухов выходит на берег озера, куда часто прилетают стаи хохлатых черных журавлей.

Любимое время года для Апке – весна, когда начинают расцветать ее сады. Ее сны становятся объемными, ясными и озаренными. Шепот призраков не слышит она, и сила света поднимает ее в полет над цветущими парками. Тени больше не преследуют ее, и Апке летит над цветущими кронами, витая в облаке аромата. Благоухание персикового сада! Не описать его и не передать ничем блаженство головокружительного витания над розовым туманом сада. Подобно сонной, сумеречной пчелке, заплутавшей в цветах клубящегося сада, кружит, парит Апке, и душа осыпается атомами небытия, сочится сквозь ветки и цветы и каплет вниз на траву забвения. Возможно, именно для этого была создана Апке – чтобы дурманной пчелкой витать, кружить над медовыми цветами, припадать к нектару и осыпаться лепестками, каплями безмолвия. И тогда душа вопрошает: «Для чего была ты воительницей столько лет?»

В пору цветения садов и парков Апке днями бродит среди деревьев, пропитанная ароматами цветов, вся в облаке едва различимого мерцания. Забытая улыбка на ее лице. Бывает, часами стоит на полянке, глядя на персиковые деревья. И улыбка на ее лице кажется продолжением розового сияния лепестков сада. Словно тени, стоят в отдалении евнухи, а за ними – все те же призраки, но Апке не видит и не слышит их. Она в упоении. Жужжание пчел и шмелей гулом стоит над необозримым парком, живыми розово-карминовыми тучами шевелятся купы деревьев, малиновая тишина перепелкой Бодоне перепархивает под листьями от дерева к дереву, и кажется Апке, что не лепестки осыпаются, опадая с ветвей, а ее душа оседает, крошится атомами и каплет на траву. Тишина витает в саду куропаткой Бодоне, перепархивает от мгновения к мгновению, а Апке кажется, что лепестками персиков и вишен осыпается, обметается самое время, самая жизнь, изливаясь в небытие. В пестро-зеленой накидке, в легчайших шелках, окутанная нитями забвения, стоит Апке в саду, и меркнет сердце, никнет душа, легит лепестком на траву, устланную паутинами призраков. Взлететь бы наяву и воспарить над деревьями, но ноги не пускают, они тяжелы, запутаны травой-муравой, мхом и черными нитями ликов-призраков. Зачем она была воительницей? С малых лет ее руки привыкли к мечу, и святым своим долгом считала она истребление врагов. Несчетными ее врагами были тогда жуки, пауки, тараканы, моль, муравьи и термиты, затем полчища крыс, а последние двадцать лет – легионы туземцев – кургуров и утургуров. И не было такого случая, чтобы ее рука дрогнула, разя врагов. Дитя войны – она была воспитана войной. Но почему млеет душа, трепещет, пытается взлететь над кронами, слиться с живым шевелением розового цвета и зарыться в горы аромата? Чтобы все забыть и забыться в глубине *ничто*? Вот ее сад – он вокруг нее, словно надежное и любимое войско, она знает каждое дерево, каждый кустарник в необозримых четырех парках восточной половины города. Возможно, эти деревья – воскресшие души убитых кургуров и изнемогших на рудниках рабов? Но почему они так пахнут и так парят, кружат вокруг, словно перелетные журавли, вернувшиеся на озеро и танцующие в самозабвении танец счастья? Почему шелестят шелком эти лепестки и овевают ее лицо живым ароматом, касаются лица, щек, ласкают и

трогательно просятся прямо в сердце? Почему, коке? Разве они живые, эти крохотные розово-карминовые лепестки, малые ладошки – лепетливые светоплескалки и светожурчалки, вестники зари? Или они простили, как было сказано пророком, вестником неба: «Сколько раз можно простить брата? Семь раз по семь и еще столько же!»

Деревья, словно розовые фламинго, тени сада, будто черные журавли, кружатся, взлетают в пируэтках и грациозно приседают, кланяются Апке, а ее душа объята смутой. Как никогда встревожена она, когда перед ней цветущий сад, живые карминовые облака света громоздятся кругом и окружают ее холмами аромата. Нет в душе мира, а красота мнится вызовом Истины. Воистину иллюзорно все, не остановить мгновения, а прошедшая жизнь кажется сном. Когда прошедшая жизнь кажется сном, оживают призраки. Души мертвых оживают, восстают из праха, поднимаются из черной паутины, хрусткого мха, выставшего землю. Души мертвых воинов приходят со всех сторон, проходят через деревья, толщу стен и следуют за ней, изливая шепот, неизбывный, бесконечный. Тревога на душе Апке. Она знает, что еще больше будет этих теней, настойчивее будут стучаться они сквозь призрачность, вопрошая все об одном и том же. Джуруха – несравненный воин – готовится к решительной войне против людей и мутантов. Отовсюду стекаются в его войско кургуры и утургуры, пылая жаждой отомстить за поруганную Отукен⁴, за кости предков, которые были выброшены из гробницы с высоты грандиозного кряжа. Она была против грабежа усыпальницы, но не смогла остановить вождя и его приспешников. Недовольны были и атаи кокборе и борисаров, они предостерегали, говоря, что духи отомстят им, что будущее отвернется от них. Однако предводитель и его аруги⁵ никого не слушали. Они были опьянены недавней победой над врагами, когда в трехдневной жестокой битве были разгромлены два лега кургуров. Битва была столь трудна, а ожесточение сражения за обладание кратером столь велико, что победители не хотели внимать никаким доводам. Зардар со свитой сам поднялся по тайному внутреннему проходу к усыпальнице. Золотые маски и панцири были сорваны с мумий древних воинов, в том числе первой царицы пращуров, сотни останков сброшены с высоты на землю и в тот же день сожжены в огромных кострах. Вскоре слух об этом злодеянии прошел по всей степи. После этого никакого примирения с кургурами и утургурами быть не могло. И все двадцать лет прошли в военных действиях, в приготовлениях к новым нашествиям. Империя помогала в этой борьбе, однако она отказывала в поставке огнестрельного оружия, боясь усиления нового анклава и возможного его отпадения. Кроме того, она опасалась демарша со стороны Желтой империи, которая тоже хотела контролировать степь и торговать с ее людьми. А просила Желтая империя все те же черные кристаллы.

Двадцать лет прошли в величайшем напряжении. Апке не знала покоя. Боря и Кабанбай все время в походах. Она почти не видела их. Изредка встречалась с Тайбалой, чтобы узнать о событиях, происходящих в саванне. Порой Апке кажется, что за эти двадцать лет она прожила века: столько событий вместились в это время. Дикие племена из каменного века попали в железный – вот что произошло, когда горстка людей и мутантов со своим гремящим оружием переправилась через великую реку. Возникла новая страна, и жизнь туземцев необратимо изменилась. Возможно, ей все это только приснилось? Быть может, они все утонули во время переправы через реку, и она оказалась в стране мертвых? Мнится ей тогда, что она древняя, ветхая старуха-шыракчи, страж и жрица погребального культа кургуров. Она всегда была на страже мертвых костей, отгоняя от них дьяволов. Вот почему души мертвых являются к ней, вопрошая все об одном и том же. И рано или поздно она должна дать ответ.

⁴ Отукен – на древнетюркском – отечество, страна обетованная.

⁵ Аруг – тайный советник правителя.

Разрастаются корни боли в ее душе, когда она смотрит на свой сад. Вот деяние ее рук. Эти величественные дворцы, золотой, серебряный, изумрудный, малый, вознесенные над землей, словно огромные шатры каханов древности, легкие в силуэтах, похожие на летящие миражи, творения из камня и редкой древесины, останутся ли они после нее? Не вырубят ли злые руки торжествующего врага все эти бесценные деревья изумительных по красоте парков, не сожгут ли в вящем торжестве, проклиная пришельцев? Для чего она задумывала все это, бессонными ночами переделывая чертежи и наброски бассейнов и фонтанов, рукотворных ручьев и водопадов, не давая покоя мастерам, рабочим, зодчим? Лучше ей умереть, прежде чем видеть гибель дела своих рук.

Бессонной ночью, когда ливень хлещет по листьям сада и траве, а шепот призраков становится осязаемее, Апке надевает плащ и выходит побродить по парку. Вспоминает она, пронзенная голосом времени, свое недавнее посещение рудника. И вновь слышит она протяжные крики стражников, видит бесконечные вереницы рабов, несущих вверх по вьющейся тропе корзины с голубоватой породой. Рудник – необозримая выработка глубиной метров триста. За двадцать лет добычи яма превратилась в огромный кратер. По ее склонам петляет дорога, по ней движутся две вереницы. Одна – это спускающиеся вниз люди с пустыми корзинами на спинах, другая – натруженно дышащий, потный, заряженный болью строй людей, несущих корзины с глиной вверх. Серпантин – это несколько километров извивающейся тропы. На поверхности в отдалении от края кратера выстроились в ряд сотни корыт с низкими бортами и мелкими отверстиями в днище. Медные корыта держатся на опорах. Порода вываливается в эти емкости, здесь сотни рабов заливают глину водой и начинают перебирать месиво руками, продавливая жижу сквозь отверстия. Вскоре от голубоватой жижи на дне корыт остается мелкая галька и песок. В этой гальке там и сям сверкают черными гранями кристаллы. Их немного – на сотни тонн породы приходится обычно всего два-три камешка. Но за месяцы работы набирается до двух-трех килограммов камней. И за эту горстку камней две империи, Купольная и Желтая, посылают караваны, груженные провизией, одеждой, материалами. Они дают все, кроме оружия. Таков договор между империями.

На руднике трудится несколько тысяч рабов, это в основном пленники из кургуров и утургуров. Здесь высока смертность – так тяжелы условия работы на руднике. Когда не хватает рабов, сюда пригоняют партиями арестантов и каторжников, среди которых немало тех, кто не смог выплатить налоги. А налоги увеличиваются с каждым годом, потому что аппетит империй растет. Бывает, что вместе с каторжниками пригоняют и подростков. Это обычно дети неплательщиков. Их ставят к корытам для промывки породы. Но бывает и так, что некоторые из них оказываются и среди носильщиков глины.

Апке не любит думать о рудниках. Но мысли приходят, особенно в дни, когда хлещет ливень и парк, вздыхая, томясь от тумана и влаги, думает о бренности бытия. И тогда душа Апке невольно оказывается среди тех, кто карабкается с корзиной на спине вверх по скользкой тропе. А эта тропа полита не только дождем, но и кровью и потом. Она кровавая, эта тропа, заплеванная и захарканная. Ошметки крови, сукровицы и пены лежат на этой тропе. И через каждые сто метров стоят дюжие стражники с кнутами в руках. Их оголтелые крики оглашают склоны кратера. Свистят, хлещут кнуты, сплетенные из кожи буйвола. Удар такой плети рассекает кожу на спине, да так, что кровь брызгами летит на тропу и идущих по ней людей.

На тропе нельзя останавливаться, потому что впереди и сзади идут носильщики с тяжелыми корзинами на спине. Стражников ненавидят лютой ненавистью. Военная охрана и надсмотрщики на рудниках – это люди, присланные империей,

особо упертые и жестокие молодчики. Они присматривают не только за рудниками, но и за всем анклавом. Для них самое главное – чтобы кристаллы и металлы добывались без остановки. Для их привилегированного клана построены увеселительные и значные заведения в городе, бани и казармы, магазины. Они упитанные, мускулистые, накачанные здоровяки. Злобы им не занимать.

В дни, когда ливень и парки погружены в тяжелую и грустную думу о будущем, душа Апке скитается по рудникам. Спускаясь как-то с охраной на дно кратера, стараясь не глядеть на бесконечные вереницы рабов, она размышляла о загадочной расщелине, появившейся на дне ямы. В метр шириной трещина оказалась так глубока, что пришлось соорудить веревочные лестницы и спустить по ним геологов. Они добрались до самого дна разлома и, поработав там молотками, вернулись с поразительной вестью. Разлом глубиной в двести метров упирался в цельное металлическое тело. Этой глыбе не было видно ни конца ни края. Так был найден астероид, падение которого некогда создало всю котловину. Именно поэтому Апке, а затем и зардар посетили рудник, чтобы взглянуть на трещину, своими глазами убедиться в открытии огромного значения – астероида. Правитель был обрадован и встревожен одновременно. Металлический астероид! Тело в миллионы или миллиарды тонн! Это означало, что анклав получил неограниченные ресурсы на десятилетия или века. Но с другой стороны, не станет ли открытие причиной вторжения той или иной империи? Вдруг это особый металл, который нельзя будет добыть обычным способом? И тогда империя захочет создать технологичный рудник с машинами, механизмами, производством. А это означает появление целого комбината, что неизбежно вовлечет в глобальные перемены все население котловины. А как отнесется к этому Желтая империя? Не столкнутся ли две империи в борьбе за особый и дорогой металл астероида?

Апке спускалась к разлому. Ей показалось, что тропа-серпантин дымится от криков надсмотрщиков, стопа и хрипа носильщиков, их надсадного дыхания. Если где-то и существует ад, он, наверное, похож на эту дорогу, окутанную миазмами страдания, злобы и ненависти. Черные от пыли и пота рабы, шаг за шагом идущие вверх. Три тысячи шагов вверх, чтобы выйти на поверхность, вывалить груз в корыто, короткая передышка, и опять три тысячи шагов вниз на дно ямы, где несколько десятков человек кирками и лопатами выворачивают породу. Апке осторожно идет по скользкой тропе, политой кровью и потом, захарканную плевками. Она старается не глядеть в глаза рабов, но ей это не удается. И взгляды встречаются. И она видит в черных провалах глазниц клубящуюся ненависть. Черный огонь ненависти. Если бы эти взгляды могли бы обратиться в огонь, то пламя испепелило бы госпожу с зонтиком в руке, превратило бы ее в прах и пепел. Как и тех крепышей, которые следовали за ней по бокам и сзади. Вот они – некогда вольные кургуры и утургуры, не знавшие ничего, кроме степи с ее травами, чистым воздухом, изобилием животных и птиц, туземцы, чьим излюбленным занятием была охота или скачка по саванне на породистых конях. Они рождались, как травы, и умирали по воле природы, как тростники. Но пришли люди-демоны из-за реки, и все изменилось для кочевников. Чужая воля, дьявольские намерения захватчиков разрушили их привычную жизнь. Племя пошло против племени, пламя войны всех со всеми охватило саванну, пришельцы надругались над могилами предков. Они ограбили усыпальницы вождей прошлого, сорвали с них золотые маски и панцири, бросили священные кости в огонь. Они сожгли жилища вольных людей, убили сильных воинов, а молодых обратили в рабов. И вот уже много лет, как они не видят ничего, кроме этой чудовищной ямы. Каждая ночь уносит жизнь нескольких носильщиков. Но трупы уносят прочь, а утром на место умерших в вереницы становятся другие работяги. Так продолжают годы, бывшие воины утургуров и кургуров

под кнутами изнемогают, истлевают день за днем, неумолимо обращаются в бесплотных призраков. Этот рудник – исправная машина по превращению людей в духов мертвых. словно окостенев от напряжения, опутив глаза, шла Апке вниз по тропе. И вдруг вспомнила слова Тайбалы: «Пройти по жизни, как ветерок, не трогая ничего». И она поняла, что имел в виду Тайбала своими словами. Если бы они не начали воевать во имя создания страны, этот адский рудник, как и другие, не появился бы. Ведь эти рабы – не мерзкие крысы, а люди, у них есть сердце, душа. В огне раскаяния Апке ясно поняла, что ее парки тоже возникли на разливах крови и пота. На деньги от продажи кристаллов построены ее дворцы и парки, воздвигнуты бастионы и крепостные стены. Поистине прахом и пеплом умерших возвращены ее деревья. Вот почему она не может взлететь над цветущими деревьями, черная паутина опутала ее ноги, призраки крепко держат ее невидимыми руками, а шепот пустоты осыпает душу атомами небытия.

Помнится, Апке осмотрела раскол на дне ямы, проверила надежность веревочной лестницы, все еще свисающей вниз. Там в глубине земли лежало что-то странное, непонятное. Геологи сказали – металлическое тело. Но что на самом деле прилетело из космоса? Апке была не только воительница, она была незаурядным романтиком, искателем. Ее воображение было разбужено вестью о находке, и она много ночей пытливо ломала голову над тем, как изучить находку, лежащую в недрах под кратером. Не вызвать ли из империи специалистов с приборами? Но как отнесутся император и его Совет к попыткам анклава самостоятельно исследовать непонятный объект? Не спровоцирует ли это опасную инициативу купольной державы?

Поднимаясь по тропе вверх, Апке увидела тощую, залитую синевато-грязными потеками спину подростка. Юноша шел, пошатываясь, ноша была слишком тяжелой для него. Хриплое дыхание вырывалось из груди мальчика, крупные капли пота катились по лицу, срывались с подбородка вниз. Вдруг юнец оскользнулся, едва не упав. К нему уже бежал надсмотрщик, размахивая плетью. И тогда Апке кинулась к подростку, поддержала его, а потом подставила плечо под край корзины. И когда сделала шаг на подъем с тяжестью на плече, она поняла, какой непомерно тяжелый труд приходится выполнять рабам. «Госпожа! Госпожа!» – подбежали к ней ошеломленные телохранители. Гримаса страдания, ненависти и испуга исказила лицо мальчишки. И он крикнул: «Кет! Кет!» Надсмотрщик был уже рядом. Замахнувшись, он вдруг замер – его словно толкнул в грудь горящий гневом взгляд Апке. «Следуй за мной!» – приказала ему Апке и повелела телохранителям поддерживать груз, не мешая носильщику. Медленно шла процессия до самого верха сопровождая молчаливую вереницу рабов. Наверху Апке вызвала распорядителя и приказала следить за тем, чтобы детей не использовали на тяжелых работах. Злополучный надсмотрщик же был переведен на другой рудник. Уходя, Апке оглянулась – ее словно что-то кольнуло. И она поняла – что именно. Длинноволосый мускулистый раб сверлил ее мрачным взглядом темно-синих глаз. И это было странно – дочерна смуглый верзила пронзал ее взглядом глаз, похожих на сколы синего металла, и непонятная сила мешала ей возмутиться наглым вниманием раба, она опутывала ее волю, будто невидимая сеть. Апке разглядывала его, пытаясь понять шепот, внезапно оживший призрачным шелестом дождя. Откуда этот раб? Когда был захвачен этот воин? Из какого племени? Надо выяснить это.

Под лаской прохладного дождя мается сад, порывается куда-то, пытаясь угнаться вслед за ветром. Но брэнная жизнь сеет не сорванными листьями, а пригоршнями праха, крошечном источенного сердца, летящего в пустоту. Поэтому Апке выходит из своего жилища, в темной накидке из непромокаемой ткани, идет через чащу к большой Сфере. словно тень, скользит она между кустами, следуют за ней

телохранители, а в отдалении между деревьями перепархивают птицами обрывки ушедших дней.

Это ее неизменный многолетний ритуал – обходить Банзай. И в снег, и в дождь, тем более в погожие вечера Апке идет к великому творению, чтобы совершить круг под его сводами. Титанический труд был осуществлен рабами за эти годы: сначала устроены анкерные крепки на вершине утеса, сделана обширная арканная сеть, привязаны к ней корзины и клетки, веревочные лестницы, потом сколоты лишний камень, выступы гранита, обтесаны бока, и затем кряжу придана грубоватая округлость. На это ушло десять лет тяжелого труда. А когда мастера стали применять углекислоту для разрыва камня (жидкий газ заливался в шурфы, сила расширения газа раскалывала гранит), высвобождение формы значительно ускорилось. В последние годы поверхность шара тщательно штробили молотками и долотами и потом основательно шлифовали. В первые годы множество рабов умерло от невыносимого труда, десятки сорвались с высотных корзин и клеток, были и такие, что прыгали сами, сводя счеты с жизнью. Однако зардар и Апке были неумолимы. Новые сотни рабов были отправлены на леса и веревочные лестницы, их обучали мастера и инженеры, присланные империей. Дело пошло лучше, когда рабам удвоили паек. Туземцы, годами работающие на боках и склонах колосса, – это уже не рабы. Они уже мастера, заинтересованные в цели своего труда. Самые лучшие из них назначаются смотрителями или распорядителями работ. Те в свою очередь, в конце концов, получают свободу и становятся гражданами. Поэтому строители Сферы имеют немалый стимул для добросовестного труда с полной отдачей сил.

Крепостные стены города и бастионы, воздвигнутые в ущельях кратера, чтобы закрыть проходы, в основном построены из камня, сбитого со стен исполина-кряжа. Караван за караваном уходили из города джунагры и буйволы с тяжелыми корзинами на боках, увозя груз за город или в ущелья, где также трудились тысячи рабов, поднимая стены на высоту двадцати метров. И эта грандиозная деятельность тоже близка к завершению. Город окружен крепостной стеной шириной в шесть метров, такие же ограждения закрыли все ущелья, кроме двух. Там устроены ворота, охраняемые сотнями солдат. Создавая гигантское творение, народ новой страны, по сути, превратил в неприступную крепость не только город, но и весь грандиозный кратер. Быть может, эти усилия и страдания тысяч рабов были не зря? Возможно, эта двойная крепость остановит полчища Джурухи? Если так, тогда Тайбала ошибается, он поддался чувству страха.

Где-то в степи несметное войско готовится к походу на город пришельцев, шепот камня слышит Апке и поэтому каждый вечер, когда на небе зажигаются первые звезды, идет к колоссу. Смутное небо полно дум, деревья парка ночными дрофами крадутся во тьме, в пределы другого мира, а Апке идет к Сфере, ибо шепот Банзая открыл ей судьбу. Когда она уже под боками Сферы, чудится ей, что пение и стук долот становится громче, превращаясь в ощутимый ритм. Рабы и мастера привыкли видеть каждый вечер Апке, обходящую по правильному кругу их творение. Кто знает, быть может, они рады ее появлению, считая этот ритуал чем-то совершенно необходимым, завершающим окончательные смыслы Сферы? Или ей только мнится, что быстрее и оживленнее звучит перестук бесчисленных долот, ошутимее льется с лесов горловое завывание певцов? Кто знает, прихотливо кружение мыслей человеческих. Она приказала найти и перевести синеглазого раба с рудника на строительные леса шара. С тех пор почему-то к минуте появления Апке у подножия памятника собираются толпы подростков – подмастерьев, юношей и девушек из племени кургур и утургур. Это в основном носильщики, из тех, кто днем карабкается по лестницам, неся на спинах узлы с едой, водой, заточенны-

ми зубилами. Вечером их первыми отпускают на отдых, но они не уходят к казармам, а, дожидаясь взрослых, танцуют и поют у подножия Банзая. Странные песни поют они, еще более диковинные танцы преображают их жилистые, сухощавые тела. На клокотание горной реки похоже их завывание, потока ночного, черного, полного неумной силы. Стынет кровь в жилах, когда слышишь, как ворочается среди валунов этот поток, бьется, прыгает из стороны в сторону, рычит от гнева, бросается в отчаянные прыжки на гранитные утесы, но вдруг с высоты срывается водопадом и торжественно изливается в мощном, нечеловеческом реве и рококе. Когда слышит Апке этот многоголосый волчий вой и медвежий рев с высоты необозримых склонов исполина, леденеет ее кровь, но не от страха, а от жути и темного восторга. Нет, это не рабы поют на лесах и в клетях, а душа человеческая, распахнувшаяся перед пучиной и несметными звездами, пронзенная догадкой невероятной судьбы в просторах вечности клокочет, рыкает предощущением силы.

Словно тень витает, перепархивает Апке под крутыми, неохватными боками грандиозного творения, а сверху хлещет, срывается потоком горловая песня кургуров и утургуров, уносит душу в кружение немыслимого... А толпы юношей и девушек в танце Большого орла изгибают и заламывают руки в невероятных движениях. Захваченные ритмом пляски, изображающей небесную схватку орла, они изгибаются, то наклоняются вперед, то запрокидываются назад, их руки трепещут, дрожат, бьются в ритме летящих крыльев. И так диковинна их пластика, так выразителен ритм, что кажется, это не юноши и девушки кургуров и утургуров танцуют на площадке, а стаи орлов и беркутов кружатся в выси, несомые вихрем ветра. Ветер обнимает их крылья-руки, ломает и изгибает в полете, несет в головокружительном парении-падении, освобождая орлиную сущность. Горловой рык утургуров и кургуров ниспадает с боков огромной Сферы, то стихает, то вновь обрушивается с неистовой мощью, а внизу толпы дочерна-смуглых юношей и девушек самозабвенно пляшут под гром барабанов. А душа Апке теряется, расплывается в сумерках, сила Банзая рассеивает ее сердце, разбрасывает по сторонам и осыпает атомами. Этот нечеловеческий рев и рык, клокотание неумной силы – не голос ли горы? Тогда что же задумала некогда Апке, глядя на гранитный кряж, и что освобождали из каменного плена руки тысяч и тысяч рабов, массируя и разминая необъятный живот колосса?

Не в силах ответить Апке на эти вопросы. Каждый повторный обход порождал новые вопросы. Только сильнее ощущала она, что с появлением творения жизнь их необратимо и неуклонно меняется. Быть может, не осколки и крошево летят со склонов колосса, а души людей, разбудивших чудовище, опрометью несутся и кувыркаются в буре перемен и летят неведомо куда? Куда их занесет?

В сумерках дождя и ветра, когда небо искажено, исполосовано струями воды и листьев, чудится Апке, что великан ревет и клокочет, рыкает на всю котловину, пробую неземную мощь. Это он поет горловую песню, ухмыляясь чудовищной гримасой, запускает в пространство невероятные рулады согласовано закрученных обертонов. А что если большой Банзай в один прекрасный день, подбоченившись призрачными руками, пустится в пляс вместе с кургурами и утургурами. Не понесется ли в Тмутаракань окаянную весь город людей и мутантов со всеми их войсками и снаряжением?

Нет, не ощущает Апке здесь ту боль и обжигающее страдание, которое видела на серпантине рудника. Как будто не те же кургуры и утургуры – рабы работают на боках исполина, а люди другие, озаренные неким знанием, пронзенные огнем силы. Особенно заметна эта энергия, когда они поют на склонах колосса, а их молодежь танцует на площади. А среди них этот почти черный синеглазый великан. Быть может, Апке, сама того не желая, преобразила этих людей, и они уже больше

не рабы. Но ведь они и не были рабами, они были воинами степи и никогда не забудут этого. Никогда! Кто знает, не по великой ли необходимости их темной и трагической судьбы занесены сюда Апке и ее люди, и их мыслью, их планами в реках крови и пота преобразуется судьба-история степного племени? Потому что так нужно их будущему. Апке думала, что причиной всему она, но, возможно, все не так, все наоборот. Общее сильнее и сложнее единичного, и она, сама того не понимая, превращалась в жрицу большой Сферы именно по воле и прихоти этой земли и ее людей. Как бы то ни было, ощущает Апке, что с каких-то пор не вольна она, несвободна, строительство монолита захватило все ее существо, подчинило ее жизнь, да так, что даже перед нашествием Джурухи она не может думать о чем-то ином. Ожог догадки. Уж не прослышали ли рабы про приближение полчищ соплеменников? Не потому ли они так поют, что предвкушают перемены? Бурей грядущих событий унесет Апке и горстку пришельцев, останутся миллионы туземцев. Этот город, крепости и огромное творение достанутся им. Договорятся ли между собой племена, появится ли здесь новый объединенный народ с культом великого Банзая?

Вопросы, гул голосов и биение яремной жилы: бредет, бредит Апке, видит воочию духов мертвых, бесконечными рядами возникающих из тьмы. Они были живыми когда-то, их руки касались тела колосса, трогали, освобождали великую форму. Под кнутами надсмотрщиков изнемогли они и истлели, обратились в духов. Шепот камня слышат они и являются каждую ночь к Апке. Что они хотят от нее? Видит она души мертвых и не может присоединиться к танцу живых, не может взлететь над купами деревьев. Ее судьба оплетена корнями земли и камня.

В декабре 2013 года отмечают:

60-летие

Арасанбай Естен, прозаик

Бекет Муканалиулы Карашин, поэт, переводчик

Темирхан Момбекулы, прозаик

70-летие

Курмангазы Караманулы Мустафин, прозаик, переводчик

80-летие

Ерназар Юсупулы Розметов, поэт

90-летие

Аскен Набиев, прозаик

Абулакап Раимбеков, поэт, критик

**Редакция журнала «Простор»
сердечно поздравляет юбиляров!**

